

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

doi 10.17072/1994-9960-2016-4-7-21

УДК 330.8

ББК 65.02

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ОТ НЕОКЛАССИКИ
К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ТРАКТОВКАМ****Д.Е. Сорокин, член-корр. РАН, докт. экон. наук, профессор, научный руководитель**Электронный адрес: dsorokin@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49

**О.С. Сухарев, докт. экон. наук, профессор, заведующий сектором ИЭ РАН; профессор
кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории**Электронный адрес: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук,

117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Выделены основные недостатки неоклассических моделей роста, на основе базовой модели Р. Солоу и её развития в рамках моделей типа Ромера – Лукаса, с обозначением релевантных институциональных факторов. Излагается взгляд на экономический рост с позиции теории экономических изменений Д. Норта, проводится типизация инвестиций как основного фактора современного экономического роста. Вместе с тем анализ российских условий экономического роста позволяет сделать вывод о том, что компонента совокупных потребительских расходов была наиболее значимой в период роста 2000–2014 гг., за исключением кризисных лет 2009 и 2015–2016 гг., что требует изменения мер экономической политики, реализуемых в условиях возникновения кризисных условий. На первой фазе российского роста потребуются стимулировать именно потребление с дальнейшей активизацией инвестиций по тем типам, которые анализируются в настоящей статье. Проведен анализ чувствительности темпа экономического роста к мерам экономической политики в России, позволивший установить возможность как монетизации экономики, так и снижения процентных ставок – общих условий, воздействующих на рост на несырьевых факторах. Задача погашения инфляции в России не является определяющим условием роста, так как сложившаяся экономическая структура будет провоцировать повышательную динамику цен при запуске роста. Если следовать «монетарному правилу», то оно должно отражать потребность экономической структуры в деньгах при данном темпе экономического роста. Институциональное и структурное объяснение условий роста, в отличие от неоклассических моделей, будет более адекватным средством описания проблем роста в России.

Ключевые слова: экономический рост, модели, институты, неоклассика, институционализм, комбинаторный эффект, «созидательное разрушение», неошумпетерианская теория.

**Неоклассические модели экономического
роста: общая оценка**

Экономическая политика во все времена и во всех странах являлась одним из главных факторов хозяйственного развития, что не находило должного отражения в экономическом моделировании. Конечно, определяющую роль в обеспечении экономического роста играет ресурсный потенциал, доступ к информации

– знаниям и технологии, национально-культурные особенности, исторические закономерности развития конкретной страны, международные связи, масштаб хозяйства – его доля в мировой экономике и т. д. Но при всём этом важно то, какую политику проводит правительство из имеющихся вариантов при сложившейся структуре ограничений. Эта экономическая политика, совмещающаяся с объективны-

ми тенденциями развития хозяйства и набором ограничений, может способствовать или препятствовать экономическому росту, быть стабилизирующей или создавать нестабильность. Последние характеристики экономической политики не отработаны экономической теорией в полном объёме.

В качестве неоклассической модели экономического роста часто используется модель Роберта Солоу [16; 17], которая, несмотря на то что была предложена в 1956 г. и прошла серию модификаций, до сих пор остаётся главным оружием ортодоксальных экономистов в описании проблем экономического роста, взаимосвязи сбережений, инвестиций и накопления капитала и их влияния на изменение уровня доходов на душу населения. Из анализа модели экономического роста Солоу вытекает ряд важных её слабостей, которые превращают эту модель в хорошую методику для изучения проблем хозяйственного роста, но не более того, поскольку многие вопросы остаются пока без ответа. Можно выделить следующие серьёзные недостатки аналитической системы Солоу:

1. Модель экономического роста является факторной, то есть из социальной структуры выделяются некоторые элементы – труд, капитал, технология, демографические изменения, вклад которых в ростовую динамику признаётся наибольшим *ex ante* и подтверждается в ходе эмпирических обоснований модели – *ex post*. Производство валового внутреннего продукта определяется через производственную функцию, в которой слабо учитывается взаимовлияние факторов и одновременность их действия. Кроме того, Солоу исходит из равновесных схем функционирования экономики, предполагая, что между национальными инвестициями и сбережениями можно поставить знак равенства, а изменение основных производственных фондов представляет собой разницу между чистыми инвестициями и амортизацией, причём из модели исключены накопительные эффекты по каждому из указанных параметров. В модели имеется привязка к темпу роста населения. Действительно, если население быстро увеличивается, то это выступает важным источником роста. Однако в развитых западных странах прирост населения отрицательный, в то время как в Азии и Африке – положительный, но темпы социального развития существенно отстают от стран-лидеров. Следовательно, привязка к демографическим изменениям, во-первых, важна для долгосрочного роста, а, во-вторых, менее значима по сравнению с другими детерминантами, особенно на относительно коротких отрезках времени. Поэтому можно

говорить о том, что на коротких интервалах, по крайней мере для развитых западных стран, влиянием данного фактора можно пренебречь, хотя делать это нужно избирательно, учитывая специфику национальной экономики, её международные связи и демографическую историю.

2. Неоклассический подход к экономическому росту игнорирует институты как ячейки, обуславливающие ту или иную разновидность роста и осуществляющие управление им. Если сильно упростить, то анализ Р. Солоу можно назвать монетарной оценкой экономического роста по факторам, поскольку все параметры производственной функции выражаются в денежном виде. Вообще, сбережения и инвестиции представляют собой некоторый объём денежных активов, направляемых для вложения в какие-то сферы или сберегаемых для каких-либо нужд под действием различных мотивов. Чтобы сбережения превратились в инвестиции, нужна слаженно работающая, демонстрирующая низкие издержки транзакций банковская и финансовая система. Главным требованием здесь выступает настройка трансформаторной функции, при помощи которой и происходит превращение сбережений в инвестиции, а доходы на вложенные средства пополняют затем объём сбережений. Однако такая монетарная по своей сути модель абсолютно безразлична к институциональному состоянию, предполагая его заданным и неизменным, в том числе состоянию финансовых институтов. Иными словами, в расчёт не принимается состояние банков и финансовых структур, отлаженность их трансформаторной функции. На самом деле, учитывать это состояние необходимо даже в краткосрочном периоде, поскольку оно не может не сказаться на величине сбережений и процессах инвестирования. По большому счёту у правительства имеются два основных ресурса влияния на экономический рост – это воздействовать на факторальные издержки роста и использовать специальный передаточный механизм политики, определяя институты. В свою очередь, передаточный механизм, в классическом варианте сводимый к денежно-кредитной и фискальной политике, задаёт параметры аллокативной, адаптивной и организационной (мотивационной) эффективности в экономике.

Тогда возникает следующая проблема: «Каким образом смоделировать это влияние, поскольку аппарат производственных функций, подбираемых в каждом отдельном случае, неадекватен именно потому, что априорно довольно трудно представить будущие результаты и темп экономического роста и поставить ему в соответствие какую-либо из производ-

ственных функций?». Только когда институциональная структура обеспечивает прирост производительности и одновременно экономии редких ресурсов, труда и нервной энергии людей – только в этом случае можно дать высокую оценку качества экономического роста, поскольку исключительно такой рост обеспечивает увеличение количества различных благ и поддерживает приемлемые социальные стандарты, создавая удовлетворительное соотношение между отдыхом и трудом. Дисфункция экономических институтов становится преградой на пути обеспечения подобного роста, а макродисфункция (системная дисфункция) – причиной замедления темпов или отрицательного темпа роста [6; 7]. Преодоление дисфункций заслуживает специальной правительственной политики, которую справедливо называть «политикой институциональных изменений», или реформизмом¹.

3. Экономическая политика в ортодоксальных моделях, хотя и является предметом рассмотрения, тем не менее не рассматривалась как важнейший фактор экономического роста, поскольку традиционно многими экономистами она выводилась за скобки чистой теории. В лучшем случае ей отводилась роль экзогенного фактора влияния с не очень понятными перспективами (так было до 1990-х гг.). Но она оказывает непосредственное воздействие на уровень сбережений и инвестиционный климат в экономике, задаёт ориентиры поведения социальных агентов, формирует пропорции хозяйственной системы. От параметров бюджета и «денежных ориентиров», публикуемых Центральным банком, зависит поведение игроков на финансовых рынках, а значит, и распределение финансовых потоков в экономике, что не может не влиять на рост.

К другим неоклассическим подходам описания экономического роста относятся модели, разработанные П. Ромером и Р. Лукасом [12; 14]. Они считали, что стандартная модель Р. Солоу недооценивает вклад капитала (включая человеческий капитал) в экономический рост по причине невнимания к внешним эффектам использования капитала. Из модели Ромера – Лукаса следует, что увеличение доли сбережений с неотвратимостью приводит к увеличению темпа роста экономики, а разница в уровне вложений в человеческий капитал обеспечивает устойчивую разницу в уровнях доходов. В связи с последним обстоятельством превосходство в области положительных внешних эффектов от инвестиций в человека закладывает большую

величину новых сбережений и инвестиций. Однако названная модель не предлагает механизма для разрыва порочного круга, когда низкий уровень сбережений и инвестиций не позволяет стране нарастить объём знаний и профессиональных навыков, технологического мастерства, что способствует фиксации прежнего низкого уровня инвестиций, кроме как путём совершенствования политико-правовых и социально-экономических институтов. Подобное объяснение вплотную приближается к представленной институциональной трактовке экономического роста (ниже), поскольку непосредственно затрагивает проблемы функционирования институтов, которые, кстати, и являются субъектами спроса на инвестиции и регуляторами процессов сбережения и накопления знаний. Но это приближение не позволяет учесть многие эффекты, связанные с влиянием неоднородности капитала, а также обеспечивающих эту неоднородность институтов на экономический рост.

Вместе с тем факторную основу экономического роста, бесспорно, создают институциональные структуры, характеризующие трансформаторную функцию действующих и изменяющихся правил. Например, имеются исследования, подтверждающие сильное влияние политических структур на темпы экономического роста – групп особых интересов (по М. Олсону). Открытые экономики, располагающие плюралистической политической системой, растут в среднем в 3 раза быстрее обществ, не обладающих такими политическими институтами, к тому же первые в 2,5 раза эффективнее [15], хотя трудно говорить об адекватности подобных исследований и о правдоподобности полученных выводов. Видимо, здесь тоже не учитываются все возможные эффекты и главное – исторические условия, что приводит к завышенным оценкам. Однако не принимать во внимание указанные факторы тоже нельзя в силу того, что по неоклассическим моделям получается весьма искажённая картина экономического роста, а процессы роста в ходе хозяйственной трансформации – при переходе от централизма к рынку (при институциональной разбалансированности системы) – в рамках данной модели вообще не объяснимы.

Данные аргументы заставляют подойти к вопросу системного изучения влияния экономических структур и институтов на динамику развития.

¹ Имеются в виду институциональные реформы.

Институциональная теория экономического роста²

Институциональное объяснение проблем трансформации и экономического роста содержится в теоретических построениях Д. Норта, выделявшего в качестве основополагающих факторов роста технологию и законодательное оформление института права собственности. Совместно с Р. Томасом ему удалось показать, что эффективная организация экономики влечёт за собой такую отлаженность работы всех институциональных структур, которая обеспечивает права собственности и задаёт стимулы реализации индивидуальных предпочтений, результатом чего становится сближение общественной и индивидуальной выгоды [13, с. 1–2]. Важно отметить, что никакой отдельно взятый институт не может полностью определить характеристики экономического роста, поскольку, с одной стороны, он взаимосвязан с множеством других институтов и зависит от них, а, с другой стороны, со временем происходит его изменение, которое отражается на показателях роста. Экономический рост идентифицируется по изменению определённых параметров, следовательно, чтобы говорить о том, что какой-то институт определяет рост, нужно установить влияние изменения данного института на изменение указанных параметров. Вне всяких сомнений, монофакторные объяснения экономического роста крайне ограничены, так как не отражают подлинного социального разнообразия растущей экономики. В принципе, Д. Норт не даёт ответа на вопросы, могла ли американская экономика быть организована более эффективно и в чём состоят институциональные границы экономической эффективности: ведь это относительный показатель, к тому же изменяющийся с течением времени. Его вывод, касающийся эффективности институциональной структуры и стимулов, можно отнести исключительно к объяснению начальной точки траектории экономического роста, отчасти к верному определению направления вектора этой траектории, но не самого роста, испытывающего разностороннее влияние и демонстрирующего различную динамику на разных исторических интервалах.

Согласно существующим представлениям эволюционной теории в условиях спада инвестиционный процесс свёртывается, по-

скольку не сбываются первоначальные ожидания относительно успешности реализации тех или иных проектов. Имеющиеся отдельные теоретические воззрения исходят из того, что в нижней точке нисходящей ветви экономического цикла происходит накопление новых идей, технологических и научных знаний, изобретений, которые создают базу для нового подъёма. Но примеры современных кризисов вряд ли составят достаточную доказательную базу для такого вывода. Во-первых, с кризисом теряется экономическая активность, увеличивается безработица (принимаящая, в частности, не обязательно явный характер, в виде сокращения заработной платы или сокращения продолжительности времени рабочей недели и т. д.), высвобождаются производственные мощности³ и возрастает потребность удовлетворения первичных нужд. Во-вторых, снижается эффективность экономики в целом и институтов, отвечающих за поток нововведений. Поэтому в любом случае этот поток в фазе депрессии истощается, к тому же он является динамически непрерывным, а в концепциях Г. Менша и К. Фримена – выглядит квантифицированным.

³ Применительно к российской экономике 2000-х гг. и современному состоянию на цифрах довольно серьёзными экономистами и политиками обосновывается миф о свободных производственных мощностях (от 40 до 50% по отдельным секторам экономики, в исключительных случаях и выше). Однако статистические данные, собранные согласно отчётности конкретных предприятий и организаций, совершенно не отражают качественного состояния этих мощностей, приспособленности их к загрузке в рамках данного вида производства. Иными словами, речь идёт о «бумажных мощностях», то есть фигурируют цифры на бумаге (которые, кстати, могут быть и верны!), но в реальной жизни эффективную производственную загрузку этих мощностей осуществить не удастся по причине их неприспособленности к такой задаче и отсутствия должных кадров, которые бы работали на таких мощностях в случае их загрузки. Проблема состоит в том, что высокими являются издержки загрузки таких «бумажных мощностей». В этом состоит особенность состояния российской экономики сегодняшнего дня. В 1998–2000 гг. в ходе девальвационного эффекта в России удалось осуществить замещение импорта и загрузить свободные мощности, поскольку и в физическом отношении, и в кадровом обеспечении это можно было осуществить, что и было сделано. Итогом стал рост промышленного производства с одновременным изменением его структуры (увеличились позиции топливной промышленности в общем объёме промышленного производства, и снизилась доля машиностроения). Но при девальвации 2014–2015 гг. равнозначного эффекта в России не наблюдалось, поэтому девальвационный эффект не будет с той же силой работать на замещение импорта и загрузку этих мощностей – по причине объективной невозможности загрузки таких «бумажных мощностей», то есть не вполне готовых к загрузке. Помимо прочего, правительство отреагировало на кризис рестрикциями в области потребления, что также усугубило ситуацию.

² Развитие структурных элементов институциональной теории экономического роста представлено в работе [10]. Здесь излагаются результаты более ранних исследований О.С. Сухарева по поводу влияния институтов на рост, которые, впрочем, включают полезные обобщения экономической динамики.

Если не признать, что нововведения концентрируются в фазе депрессии, то якобы трудно объяснить повышательную волну, а если не признать их концентрацию в высшей точке фазы подъёма, то невозможно объяснить понижательную волну экономического цикла. Эти два полюса объяснений, задаваемых Г. Меншем и К. Фрименом, представляются не вполне целесообразными, так как реальность оказывается сложнее подобных объяснений (на уровне модели). Например, в российской экономике 1990-х гг. цикл в Кондратьевском понимании отсутствовал, но обнаруживаемая понижательная тенденция сопровождалась сокращением инноваций, свёртыванием научных школ и интеллектуальной активности, сокращением инвестиций⁴. Так происходит и в классическом варианте развёртывания депрессии, но в современных условиях рецессия принимает вид замедления темпов экономического роста. При этом количество нововведений не увеличивается и вполне может снижаться. В условиях кризиса резко сокращается спрос на знания и навыки, поскольку главный удар распространяется на наукоёмкие сферы, характеризующиеся долгосрочной окупаемостью и весомой долей государственного участия (в виде инвестиций в НИОКР и фундаментальные исследования). После срабатывания гистерезисного эффекта, не затрагивающего инновационную сферу, создаются общие институциональные условия, способствующие реализации нововведений и инвестиций, так что на определённом участке повышательной фазы всё равно используются не нашедшие воплощения вследствие кризиса инновации, которые за собой вовлекают новые идеи, возникшие до и в момент депрессии. Этот участок символизирует этап восстановительного экономического роста, когда хозяйство возвращается к прежней норме. И на этом этапе важно обеспечить требуемый уровень инвестиций, например I_0 , осуществив поддержку критической массе инноваций.

Для экономической системы в некоторый момент времени t_0 произведенный валовой продукт может быть больше или меньше

ожидаемого уровня, на который рассчитывало правительство и граждане страны. Такой результат возникает в силу уменьшения или увеличения дисфункций институтов, или когда возникает системная дисфункция базисных институтов, отвечающих за функционирование жизненно важных сфер экономической системы. Если в начальный момент Y превышает Y_e и происходит его непреднамеренное сокращение или замедление темпов роста под воздействием различных причин, то экономика может попасть в инвестиционную ловушку, для выхода из которой понадобится объём инвестиций I_0 , либо потребуются величина инвестиций, значительно меньшая I_0 , для стабилизации ситуации на ожидаемом уровне.

Если же в начальный момент Y меньше Y_e , то возникнет ситуация, когда инвестиций I_1 недостаточно, чтобы её изменить к лучшему. При меньших объёмах инвестирования экономика попадает в инвестиционную ловушку, когда недостаточный прирост дохода не позволяет обеспечить должного прироста инвестиций. Для выхода из этой области, которая обозначена как «инвестиционная ловушка», понадобится обеспечить экономику инвестициями в размере I_2 , которые больше I_1 . Отсюда вытекает следующая классификация инвестиций: I_0 – инвестиции для преодоления кризиса (необходимого роста); I_1 – инвестиции в поддержание конкурентоспособности экономики; I_2 – инвестиции выхода на траекторию устойчивого экономического роста необходимого (заданного) темпа.

Величину инвестиций, меньшую I_1 , можно назвать «стагнантными инвестициями», которые обеспечивают какую-то обновляемость основного капитала, однако недостаточны для внедрения современных технологий и организации качественного экономического роста, основывающегося на инвестициях в человеческий капитал. Как следует из представленных схем, величина инвестиций I_0 не может быть равна I_2 , поскольку это функционально разные инвестиции. Более вероятно на ситуацию, когда I_0 представляет сумму I_1 и I_2 , но может быть, что I_2 превзойдёт величину I_0 , поскольку объёмы инвестиций зависят от глубины ловушки качества, в которую попадает экономика. В свою очередь, эта глубина определяется институциональными факторами. Инвестиции I_0 позволяют воспользоваться инвестиционными внешними эффектами, наличие которых способствует ускорению долгосрочного темпа экономического роста.

⁴ Понятие «концентрация нововведений» интересно тем, что в ходе развёртывания спада, роста числа предприниматель-банкротов действительно может несколько увеличиваться доля инноваций, приходящихся на единицу выпускаемого продукта, поскольку выпуск сокращается, но при условии, что темп ликвидации предприниматель-новаторов будет меньше темпа сокращения предприниматель-консерваторов, что является чрезвычайно редким и непродолжительным явлением.

Примем, что экономическая система может демонстрировать (I) абсолютно (максимизация дохода) или (II) ограниченно (минимизация риска) рациональную модель развития (роста). В таком случае можно говорить и о модели абсолютно и ограниченно рационального экономического роста. В первом случае достигаются большие темпы роста при пренебрежении проблемами его качества, при ориентации главным образом на количественные цели. Во втором случае на первый план выступают цели экономии, темп довольно скромный, качественные цели преобладают. По первой модели роста, институты, обладающие более высокой величиной r_j не оставляют монетарного ресурса для неэффективных институтов, которые характеризуются пониженным мультипликатором r_j , то есть трансформаторная функция которых ослаблена⁵. Но ведь они являются полноправными элементами институциональной матрицы экономической системы, характеризуются неким социальным назначением, поэтому их дистрофия негативно сказывается на экономике и в долгосрочном периоде приводит к замедлению экономического роста за счёт возникающих дисфункций и возрастающих потерь.

Согласно второй модели неэффективности институтов не устраняются, так как сохраняется финансовая подпитка соответствующих институтов. Вместе с тем возникает несколько меньше девиантных форм поведения, осуществляется экономное расходование ресурсов, не образуются пробелов в институциональной матрице, в связи с чем не происходит резкого разрыва в связях между институциональными структурами.

Компьютерное моделирование в предположении неизменности денежной массы и институционального мультипликатора r_j даёт нам общую картину экономического роста и его потерь, представленную на рис. 1 и 2 (это условие, конечно, справедливо только для короткого интервала роста и для формирования модели экономического роста – запуска роста).

⁵ Институты по-разному могут влиять на мультипликацию дохода, таким образом, формульное представление мультипликатора инвестиционных расходов Дж. Кейнса (через предельную склонность к потреблению) не учитывает конкретных институтов, влияющих на изменение потребления и изменение дохода, но эти институты могут влиять на мультипликацию расходов/доходов вне связи с величиной потребления. Такая трансформаторная функция институтов может стать параметром оценки их эффективности (или социальной полезности).

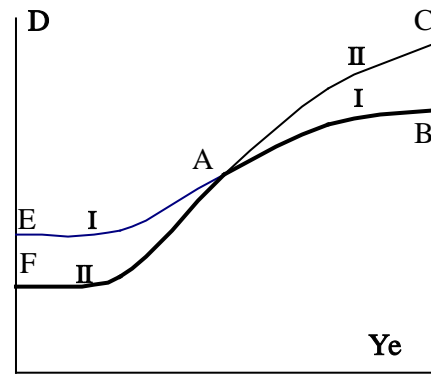

Рис. 1. Динамика потерь (D) при абсолютно (I) и ограниченно (II) рациональном росте (Y_e)⁶

При небольших значениях ожидаемого валового внутреннего продукта (рис. 1), что соответствует невысокому темпу роста, величина потерь по модели ограниченно рационального роста меньше, чем по модели абсолютно рационального роста, следовательно, цели экономии достигаются небыстрым ростом. Быстрый рост не может продолжаться долго – он входит в стадию насыщения потерь, что отражает кривая II. Медленный рост коварен тем, что при больших значениях ожидаемого Y он обеспечивает и большую величину потерь, потому что эффект насыщения смазан. Экономике выгодно развиваться по пути FAB, сменив одну модель роста на другую в точке A и снизив его издержки при той же величине ожидаемого и реализуемого Y . Смена моделей развития означает институциональную трансформацию⁷, че-

⁶ Теоретическая имитация (компьютерная) осуществлялась по модели максимизации дохода и минимизации риска для системы, состоящей из N элементов, характеризующихся рентабельностью r_j ($j=1...N$), с распределением ресурса x_j при верхнем пределе имеющегося ресурса на систему M (например, это может быть величина денежной массы в экономике, или общий финансовый ресурс).

⁷ Эта замена институтов происходит эволюционно, когда одни институты заменяются другими, тем самым происходит смена модели экономического роста. Иными словами, страхование риска становится более важным делом, чем получение наибольшего дохода при высоком риске. Такие модели складываются вводимыми институтами. Инициатива здесь лежит на агентах и политической системе. Если предположить, что участники политической системы всё-таки обеспеченные агенты, иногда даже наиболее богатые агенты, имеющие возможность оплаты своей избирательной кампании, то, располагая относительно большими финансовыми ресурсами и направляя их в различные сферы применения, им выгодно страховать риск и согласиться на сравнительно небольшой доход, но гарантированный. Следовательно, будут приняты и соответствующие законы (формальные институты), в связи с чем при движении хозяйства от конкурентной к монополистической системе происходит изменение содержания и модели роста в институциональном смысле (правила, модели поведения агентов и принятия ими ключевых решений).

рез которую проходят практически все экономические системы в разное время.

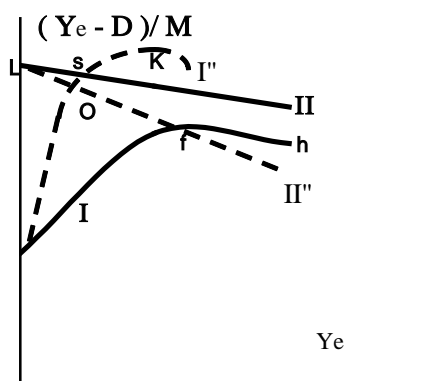

Рис. 2. Интегральная эффективность роста при абсолютно (I) и ограниченно (II) рациональном росте (Y_e)

На рис. 2 видно, что модель абсолютно рационального роста при данном верхнем пределе денежной массы M и ожидаемом Y_e обеспечивает более низкую прибавку по продукту по сравнению со второй моделью (для схемы развития в рамках кривых I–II). Превышение Y над издержками его создания по второй модели постоянно снижается, по первой – возрастает до некой точки, а затем снижается, что как раз и говорит о выбытии институтов в данной точке и нарастании издержек. Но в институциональном смысле модель II оказывается предпочтительнее, как видно из рисунка, так как при том же ожидаемом доходе Y_e она даёт более высокую интегральную эффективность (согласно кривой II). Естественно, приведенные здесь выводы справедливы для институциональной структуры с произвольными параметрами r_j , числом элементов N , денежным обеспечением M и промежутком времени T , используемыми при имитации роста.

Нельзя исключить и такой институциональной системы, которая бы давала сочетание кривых I'' и II'', либо I и II'' или II и I''. Тогда возникают три случая развития (табл. 1), с выделяемыми траекториями наиболее эффективного развития. Эти траектории развития связаны со своим набором эффективных институтов и структурой распределения ресурсов между имеющимися видами деятельности, а также самой структурой этих видов деятельности. Наилучшей для данного результата является траектория LsK, поскольку для данного уровня ожидаемого дохода интегральная эффективность оказывается наибольшей. Однако необходимо отметить, что в рассмотренных случаях наблюдается переключение с модели

минимизации риска (ограниченно рациональный рост) на модель максимизации дохода (абсолютно рациональный рост). Отличие в том, какой промежуток времени действует одна и другая модель. Чем протяжённее отрезок изменения ожидаемого дохода, тем, очевидно, большее время экономическая система развивается в рамках данной модели. Разумеется, на практике переключение не происходит в одной точке – мгновенно, различные институты заменяются постепенно, и экономика переходит на иную траекторию развития (с институтами, которые, преобладая, формируют преобладание определённых моделей поведения агентов, например нацеленных на извлечение прибыли любым путём или страхование рисков – избегание рисков). Безусловно, возможны такие сценарии, когда при имитации будем иметь сначала преобладание модели «абсолютного» роста с переходом на рост «ограниченный». Полагаем, что в двадцатом веке большинство развитых стран перешли именно к такой («ограниченной») модели роста. Изменить эту модель может кардинальная смена правил и экономических структур. Такое изменение может быть вызвано исключительно новыми технологическими сдвигами.

Наиболее интересной задачей является задача выбора траектории развития, что, по сути, соответствует выбору самой экономической структуры. Для этого необходимо сопоставить траектории L-II и LsK. Проблема в том, что до точки s лучшим является «ограниченный» рост, затем «абсолютный», но когда линия sK пересечёт линию L-II, то лучшим будет следующий участок этой линии, то есть «ограниченный» рост. Тем самым экономической системе придётся опять изменять институты и структуру распределения ресурсов. Собственно такое изменение траекторий и является отражением именно этой смены.

В общем случае цель экономической политики роста должна сводиться к тому, чтобы обеспечить такое функционирование существующей институциональной системы и ввод в действие новых спроектированных институтов на отрезке времени $[t_1, t_2]$, которое бы позволяло выполнить следующее условие: между политикой абсолютно и ограниченно рационального экономического роста необходимо найти компромисс, наилучший результат. Это можно сделать, максимизировав разницу между быстрым ростом национального дохода и сопровождающих его получение издержек и рисков.

Таблица 1

Наилучшая траектория развития экономической системы по параметру интегральной эффективности

Модели развития	Наилучшая траектория движения (высокая интегральная эффективность для данного дохода – ожидаемого)	Переключение моделей роста («абсолютный»/«ограниченный»*)
I и II	LOK	В окрестности точки O происходит переключение с модели «ограниченного» роста на «абсолютный», то есть от целей минимизации риска к максимизации дохода
I и II	Lfh	Переключение происходит в точке f – с модели «ограниченного» на «абсолютный» рост. Однако развитие по модели минимизации рисков происходит дольше (отрезок Lf длиннее, нежели LO)
I и II	LsK	Переключение происходит в точке – s – с модели «ограниченного» на модель «абсолютного» роста
I и II	L – II I – h	Лучше всего системе двигаться по линии L – II, поскольку интегральная эффективность выше. Однако при близости линий fh и L–II выбор структуры распределения ресурса и соответствующих институтов не очевиден

* Примечание: имеется в виду модель «абсолютно рационального» и «ограниченно рационального» роста в соответствии с введёнными здесь обозначениями типов роста.

С точки зрения экономической политики интересно, каким должно быть монетарное обеспечение каждого j -го из N имеющихся институциональных подсистем, составляющих основу экономического роста. Фактически рост этих подсистем, точнее их мультипликатора r_j и монетарного обеспечения x_j , при допустимом падении указанных параметров для других институтов и является неотъемлемой характеристикой не только динамики роста, но и его качества. Получив портрет x_j и r_j , мы будем располагать основными данными для оценки эффективности политики, различных институциональных сопоставлений, а также сможем сделать выводы относительно глубины дисфункции конкретных институтов и экономики в целом⁸. Одновременно с проблемой роста правительства многих стран рассматривают инфляцию, которая становится своеобразным «фетишем» современной экономической политики и условием роста экономики.

Инфляция и экономический рост: оптимальность режима монетизации

В экономической науке сложился стереотип, будто инфляция, являясь всегда «вселенским злом», крайне нежелательна и её как отрицательное явление, имманентную черту развития экономики необходимо ликвидировать до приемлемых значений, которые определяются исключительно нормативно. При

⁸ Впервые такое объяснение дано в работе [3] (позже в [4; 5], а также в одной из статей О.С. Сухарева 1999–2000 гг.). Здесь уместно повторить данное объяснение, демонстрирующее связь институтов на макроуровне системы и модели экономического роста, существенно расширив трактовку и интерпретацию данной модели реструктуризации и роста системы.

этом экономисты, как правило, забывают об ответе К. Маркса П. Прудону в «Нищете философии» по поводу необходимости ликвидации отрицательных проявлений, выполнение чего приведёт к невозможности идентификации положительных проявлений. Иными словами, инфляция как «отрицательное проявление» является атрибутом (признаком) развития экономики, и опасна только очень высокая инфляция и ускорение темпа инфляции, но не само это явление. Поэтому, когда современные экономисты говорят о том, что для организации экономического роста первым делом необходимо значительно снизить инфляцию, – это не просто непонимание природы инфляции, но и непонимание факторной основы экономического роста данной страны, структуры экономики этой страны, провоцирующей инфляцию при росте. Экономический рост может поддерживаться отнюдь не за счёт сокращения инфляции, а, наоборот, сопровождаться некоторым её увеличением.

Таким образом, все политические мероприятия, направленные на подавление инфляции, в данном случае будут означать одно – подавление экономического роста⁹ (снижение его темпа). При объяснении необходимости антиинфляционной политики, как правило, не учитываются ни институты, ни структура экономики, которые провоцируют рост цен (инфляцию), однако вводится представление, будто снижение инфляции позволит сократить процентную ставку, следовательно, увеличить инвестиции, выступающие основным факто-

⁹ Под экономическим ростом понимается рост валового внутреннего продукта (национального дохода) страны.

ром современного экономического роста. Для российской экономики это выглядит как большое заблуждение, поскольку темп роста в большей степени обеспечивается темпом цен, нежели снижение цен обеспечивает повышение темпа роста. К тому же не только инвестиции, но и совокупное потребление в России являлось двигателем роста, просто в силу того, что компонента ВВП составляла выше 50% в его структуре, а инвестиции – 19–20% (сейчас 17%).

Кроме того действуют еще как минимум два центральных ограничения для применения такой логики.

Во-первых, экономический рост может быть поддержан внутренним потреблением (расходами), включая расходы бюджета), а также положительным сальдо внешней торговли.

Во-вторых, если инфляция является атрибутом структуры экономики, рост которой инициирован, то её подавление обеспечит свёртывание темпа роста, а существенного роста инвестиций при снижении процента, когда инфляцию удалось подавить, наблюдаться не будет по причине, с одной стороны, плачевного состояния тех объектов, которые должны были принять эти инвестиции, с другой стороны, снижающихся расходов и невысокой динамики прироста дохода, часть которого направляется на инвестиции (другая часть сберегается).

Интересно отметить, что в каждом конкретном случае нужно учитывать условия развития рассматриваемой экономической системы, поскольку, например, рост денежной массы может не снизить процент, а увеличить его в силу роста цен, так и сокращение денежной массы, которое обычно повышает процент, может снизить его при развернувшейся дефляции. Общий итог применения тех или иных антиинфляционных или проинфляционных мер зависит от экономической структуры и действующей системы финансово-банковских и других институтов. В то же время сама денежно-кредитная политика может сильно повлиять на изменение экономической структуры, то есть выступить инструментом реструктуризации экономики, причём довольно сильным, так как она способна обеспечить поступление денег в одни секторы и виды деятельности и обеднить, в монетарном смысле, другие.

При росте цен обычно повышается и процент (как один из видов цен). Поэтому, когда при инфляции повышают процентную ставку, вроде бы это не является необычным действием. Однако рост процентной ставки снижает спрос на капитал и делает многие фирмы нерентабельными либо сдвигает их к нижней гра-

нице монетарного диапазона, в котором изменяются параметры их жизнедеятельности. Находясь вблизи нижней границы монетарного обеспечения, фирмы свёртывают многие виды деятельности и освобождаются от персонала. Безработица увеличивается, процент затем может понизиться, при существенном сокращении спроса на капитал.

В современной экономике, где рынок капитала находится под воздействием центральных властей (центральные банки), процент теряет прямую («рыночную») связь с объёмом денег и кредита в экономике¹⁰. При сильных институтах регулирования, включая и денежную сферу, высокий процент всё-таки тормозит развитие и одновременно является отражением высокой инфляции (либо ускорившейся), то есть является символом повышательной динамики. Низкий процент, при прочих равных, является символом недостаточности «текущего развития», но отражает относительное благополучие (богатство¹¹) экономики.

Нужно вспомнить мнение Г. Касселя о том, что дефицитное финансирование предприятий в условиях инфляции приводит к ухудшению общего экономического положения страны. По его мнению, инфляцию вызывают две независимые причины – рост денежной массы и падение производства [1].

Если следовать Г. Касселю, поменяв знак первой величины, то есть говорить о сокращении денежной массы и наблюдающейся инфляции, как это было в 1990-х гг. в России,

¹⁰ Раз процентную ставку можно нормативно (административно) повысить в ночь почти в 2 раза (как это сделал Банк России в 2014 г.), о каком отражении реальных экономических параметров может идти речь?

¹¹ Аналогичной точки зрения, подчёркивая двойственность процента, придерживался Й. Шумпетер [11, с. 315–316]. Более того, он считал процент особым методом осуществления новых комбинаций. Однако если учесть, что в то время процентная ставка была в большей степени отражением взаимодействия спроса и предложения капитала на рынке капитала, чем сейчас, а новые комбинации являются специфическим результатом новаторской деятельности, процент вряд ли может быть методом, скорее, условием развития, понимаемого как возникновение и исчезновение этих новых комбинаций в экономической системе. Вместе с тем сегодня именно эта точка зрения, когда процент является методом, имеет под собой основания, поскольку процент становится нормативным инструментом в руках центральных банков и определяет как величину инвестиций, так и их структуру в новые и старые комбинации. Таким образом, он действительно становится методом в смысле Й. Шумпетера, так как высокий процент действует в сторону сворачивания новых комбинаций и предпринимательской деятельности. Это является отражением повысившейся роли финансов и монетарного диапазона, в рамках которого изменяются параметры жизнеспособности фирм и других организаций (институтов) в современной экономической системе.

то, очевидно, обнаруживается такая связь: сокращение объёма денежной массы приводит к дефициту финансов предприятий, не позволяя им развиваться, затем сокращается производство, что является второй величиной, определяющей инфляцию на следующем круге развития экономики. Динамика процента в сторону повышения может действовать на инфляцию так же, как сокращение денежной массы. Монетаристская модель М. Фридмана и его последователей (представляющая только теорию спроса на деньги, отражающие реальное богатство, но не теорию предложения денег) явно является заложницей математики «роста», которая не отражает обратных связей и взаимовлияний, а также институциональных условий и их изменения. Насколько следует увеличивать денежную массу M_2 поквартально, скажем, в течение хотя бы ближайших 2 лет в России, исходя из какого критерия? Монетарное правило рассчитано примерно из логики роста ВВП, а если рост замедляется и оборачивается спадом, правил сокращения денежной массы просто нет в экономической науке. Следовательно, вопрос монетизации в конкретных условиях для конкретной экономической системы (с учётом её структуры) остаётся открытым. Сравнения с иными экономическими системами не являются основанием для каких-то релевантных выводов, так как факторы инфляции, экономическая структура и сочетание мер политики – разные. Вот что писал Т. Веблен в 1904 г. в работе «Теория делового предприятия»: «Спекулятивная деятельность и “кредитная инфляция” ею подогреваемая, обеспечивают рост цен, что поддерживает и высокий спрос на кредит, увеличивая и его стоимость, то есть процентную ставку. Возникает своеобразная пирамида, когда больший спрос требует большего кредита, а более высокая процентная ставка обеспечивает предложение кредита. Предприниматели ориентируются на ожидаемую прибыль – всё происходит по этой цепочке до тех пор, пока не возникает ожидание невозврата кредитов».

Поэтому запущенный механизм «финансового монетаризма» с доклада Ханта 1972 г. и закона о дерегулировании депозитных институтов 1980 г. обеспечил отмену потолков процентных ставок, расширение возможностей ссудо-сберегательных учреждений, привязку ставок ссудного процента к учётной ставке, упрощение условий кредитования, введение преференций для работы банков – членов и не членов Федеральной резервной системы США. Это отдалило финансовую систему от реального сектора экономики.

Однако ещё в 1957 г. комитет по изучению работы денежной системы в Парламенте Великобритании в ходе проведенного анализа подтвердил, что, во-первых, задача денежно-кредитной политики – влиять не на денежную массу (это примитивно), а на структуру процентных ставок; во-вторых, бюджетная политика и прямое регулирование оказывают влияние на насыщение экономики деньгами и капитализацию. Тем самым финансовая система обязана обслуживать потребности промышленности, а денежно-кредитная политика должна противодействовать нестабильности производства и сокращению занятости, преодолевая так называемый разрыв Г. Макмиллана. Этот тезис и должен составить новое монетарное правило для российской экономики, с отказом от применяемой в настоящее время формулы таргетирования инфляции, которая не считается с оценкой подлинной факторной основы самой инфляции.

Следовательно, ремонетизация экономики должна быть подчинена новому «монетарному правилу», которое бы опиралось на реальные возможности организации каналов кредитования и распределения денежной массы между секторами хозяйства и по видам деятельности. Это можно назвать структурной постановкой проблемы планирования и реализации денежно-кредитной политики. Осуществление нового вида денежной политики в структурной постановке должно учитывать межсекторальный перелив денег различного вида и взаимосвязь финансового и различных товарных рынков, а не исходить из общей агрегатно-макроэкономической постановки денежно-кредитной политики. Важно определить общие параметры ремонетизации экономики и её скорость, среднегодовой прирост денежной массы и кредитной массы. Монетарное правило М. Фридмана, имеющее своё собственное выражение для каждой экономической системы скорее всего утратило былую силу как некий ориентир денежно-кредитной политики. Не менее важно оценить чувствительность инфляции к размеру денежной массы, проценту и влияние данных параметров на динамику валового внутреннего продукта¹². Когда эти связи будут поняты денежными властями, «операционализация» мер денежно-кредитной и бюджетной политики станет осознанной. Новые модели такой политики, на наш взгляд, должны учитывать эффекты перетекания денежной массы между секторами и видами деятельности, а

¹² Подобные простые модели получены и предложены О.С. Сухаревым в монографиях [8; 9], а также в предваряющих эти книги циклах статей 2012–2014 гг.

также разделения денежной массы на её различные по ликвидности виды.

В заключение отметим специфические особенности экономического роста в России и возможности выхода из текущей рецессии на траекторию нового экономического роста.

Российские реалии экономического роста

Рецессия 2015–2016 гг. была подготовлена всей динамикой российской экономики предыдущего периода и сформировавшимися, закреплёнными структурными проблемами в период бурного роста 2000–2008 гг. Оценим

общую динамику российской экономики по компонентам ВВП (табл. 2) за четыре года до рецессии.

Анализ проведенных расчётов показывает, что кризис 2015–2016 гг. отбрасывает Россию как минимум на 4–5 лет назад по ВВП, так как наблюдается понижающаяся динамика в области потребительских расходов, а валовой продукт за 5 лет увеличился всего на 1,6%. С учётом 2016 г. этот показатель будет вдвое ниже, так как в 2016 г. ожидается спад до 0,7%.

Таблица 2

Динамика компонент ВВП России за 2011–2015 гг.*

Элементы использования ВВП	2015 г. к 2011 г., %
Валовой внутренний продукт	101,6483
Расходы на конечное потребление домашних хозяйств	102,8505
Расходы на конечное потребление государственного управления	102,3085
Валовое накопление	72,13415
Экспорт	110,46
Импорт	78,08056
Чистый экспорт	190,5735

* Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата за 2011–2015 гг.

Существует также колоссальная проблема активизации инвестиций в стране (в 2015 г. инвестиции достигли только 72% уровня 2011 г.). Модель развития/роста российской экономики, таким образом, привязана к динамике чистого экспорта, с явной доминантой по сырьевому экспорту (табл. 2).

Организация экономического роста требует точной по инструментам макроэкономической политики правительства, направленной на обеспечение должной динамики компонент ВВП. Учитывая вес доли потребительских расходов в ВВП и важность валовых накоплений, требуется стимулировать именно их динамику через бюджет, а также методами денежно-кредитной политики, принимая институциональные ограничения относительно импорта в пользу отечественного продовольственного рынка, а также рынков продуктов длительного пользования. Институциональные модификации относительно валютного рынка и банковской системы потребуются для того, чтобы снизить спекулятивный накал экономического развития, направив ресурсы в обрабатывающие контуры. При этом снизившийся отток капитала требует размещения оставшегося в стране капитала по направлениям развития¹³.

Учитывая значение компоненты «потребительские расходы» в динамике ВВП, а также задачи вытеснения импорта, на первой фазе запуска роста необходима политика расширения производства отечественных продуктов – заменителей импорта на внутреннем рынке (отдельно от экспортной стратегии), под решение данной задачи потребуются инвестиции как часть наращиваемого дохода при расширении отечественного производства.

На рис. 3 отражена общая схема системы межсекторных взаимодействий при организации новой модели роста России с опорой на реальные факторы производства, и для обеспечения продовольственной безопасности России. Можно выделить четыре институциональных уровня, определяющих функционирование всей системы элементов по тому, кто владеет и контролирует их:

- 1 – развитие обрабатывающих секторов промышленности;
- 2 – пищевая промышленность;
- 3 – секторы растениеводства и животноводства в сельском хозяйстве по конечной продукции и рынкам;
- 4 – рынок ресурсов (семена, удобрения, земля, выведение пород скота, кадры) [2, с. 11].

¹³ Колоссальное снижение оттока капитала в 2014–2015 гг. ухудшило макроэкономические параметры функционирования экономики России и усилило девальвацию. К тому же санкции способствуют тому, чтобы капитал оставался в России. Этими внешними условиями требуется воспользо-

ваться и ввести институциональные барьеры по деофшоризации российской экономики (которые предложены правительственными и внешними экспертами).

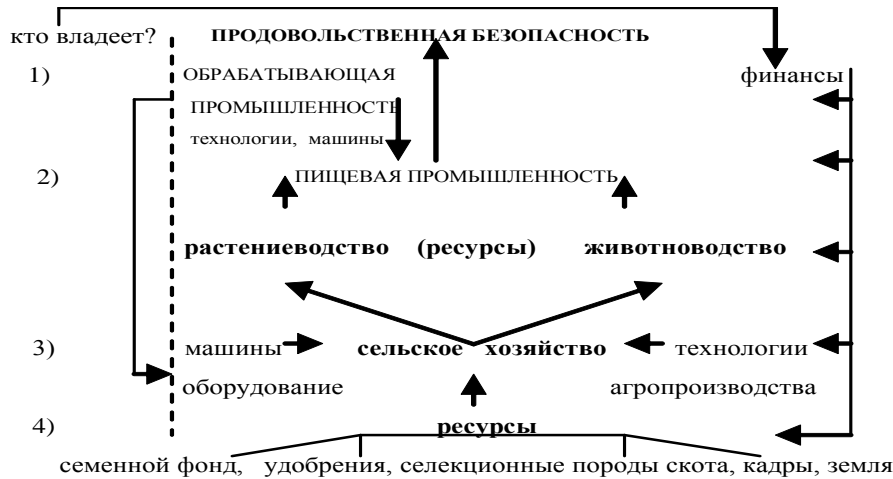

Рис. 3. Общая система секторальных связей для новой модели роста [2, с. 12]

Общий потенциал развития экономики, определяемый текущим создаваемым доходом и ресурсной базой, задаёт границы для развития соответствующих секторов производства. Состояние фондов, кадров, земли, исходные ресурсы, включая природно-климатические для сельского хозяйства и изменяемые текущие погодные условия – оказывают также сильное влияние. При этом институт владения имеет большую силу, особенно при принятии решений о выделении финансов по указанной структуре (решение задачи распределения ресурсов). Структура владения будет оказывать в этой схеме (рис. 3) сильное влияние на возможность развивать сельское хозяйство и использовать его как генератор экономического роста в России. Если пищевая промышленность (отдельные её секторы) контролируются иностранными собственниками, а производство организовывается по лицензии, то это лишает отрасль возможности совершенствовать технологии, выступать субъектом спроса на создание отечественного оборудования для пищевой промышленности, решать задачи по повышению экологической чистоты производимого продовольствия [2].

Мультиплицирующий финансовые расходы механизм, очевидно, заложен в работе сельскохозяйственного сектора, но включен он может быть по-разному в зависимости от названного институционального условия. В конечном итоге ограниченные финансовые (и другие) ресурсы придётся распределять между обрабатывающими секторами, предлагающими для сельского хозяйства оборудование, пищевой промышленностью, предъявляющей вместе с сельским хозяйством спрос на оборудование (фонды) и кадры, собственно сельскохозяйственным производством (между растениеводством и животноводством) и поддержа-

нием (созданием новой) ресурсной базы сельского хозяйства¹⁴. Если решать задачу в приведенной постановке, то программы развития села и сельского хозяйства не могут не учитывать текущего состояния исходных релевантных элементов данной системы и не обосновывать распределение ресурсов между ними, чтобы мультиплицирующий эффект был в идеале наибольшим (при прочих равных условиях).

В заключение отметим, что применение методологии структурного анализа и исследование динамики ВВП по компонентам использования позволяет поставить чёткий диагноз проблемы роста в России за рассматриваемый период 2000–2015 гг. и прийти к выводу, что нельзя сводить новую модель роста только к стимулированию совокупных инвестиций – это не решит проблемы роста. Требуется стимулировать совокупный спрос и потребление за счёт развития пищевой промышленности и сельского хозяйства и полностью переоборудовав эти секторы отечественными технологиями и техникой (первый контур новой структуры экономики), позволяющей осуществлять производство экологически чистых продуктов по широкой номенклатуре. То же относится и к строительной отрасли (второй контур новой структуры экономики России). Тем самым нужно сформировать несколько контуров саморазвития экономики, с включением в эти контуры производства средств производства соответствующих типов. Третьим контуром является оборонный комплекс, который уже демонстрирует неплохие результаты своего развития, по причине автономности

¹⁴ Здесь нужны финансы на функционирование научных подразделений и институтов в аграрном секторе, что является условием для развёртывания в этом секторе инноваций.

функционирования и режима известных ограничений, исполняющих функцию протекционизма – защиты этого комплекса.

Основное направление политики роста – стимулировать на первой фазе совокупное потребление, резко активизируя на следующей фазе инвестиции. Период времени, который разграничивает эти две фазы, должен составить примерно 2 года, на третьем году требуется уже активнее включать механизм внутренних инвестиций. За два года необходимо провести подготовительную работу, вводя институты, облегчающие процесс внутреннего капиталобразования в стране. При этом необходимо осуществить ряд известных и давно предлагаемых мер по блокированию валютных спекулянтов, поддержке устойчивости валютного рынка, чтобы не было эксцессов с динамикой чистого экспорта, которые наблюдались при кризисе 2009 и 2015 гг., обнажая проблему смены режима роста с потребительско-инвестиционной модели на модель внешней зависимости (что пролонгирует режим сырьевой ориентации экономики, противоречит поставленным стратегическим задачам).

В области макроэкономической политики необходимо изменить режим денежно-кредитной политики, расширив функции ЦБ РФ для стимулирования роста (умеренно мягкий вариант денежно-кредитной политики вместо проводимой рестриктивной политики), монетизировать бюджет, выведя его из «модели Гобсека», в рамках которой бюджетный процесс развивался до сих пор (это не означает ликвидацию резервов – фондов). Следует также отойти от таргетирования инфляции, перейдя к таргетированию темпа роста, либо номинального ВВП, реальных денег (отношение денежной массы к индексу цен).

Список литературы

1. Кассель Г. Инфляция и валютный курс. М.: Эльф-Пресс, 1995. 104 с.
2. Кузовлева И.А., Сухарев О.С. Агропромышленный комплекс как генератор нового экономического роста России: состояние и возможности // Международные научные исследования. 2016. № 3. С. 8–16.
3. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. Кн. 1. М.: ИЭ РАН, 2001. 576 с.
4. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике. М.: Экономика, 2007. Кн. I: Институциональная теория. Методологический эскиз. 516 с.

5. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике. М.: Экономика, 2007. Кн. II: Экономическая политика. Проблемы теоретического описания и практической реализации. 804 с.

6. Сухарев О.С. Концепция экономической дисфункции и эволюция фирмы // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 70–81.

7. Сухарев О.С. Российская экономика: опыт системной диагностики и лечения // Инвестиции в России. 1999. № 9. С. 27–38.

8. Сухарев О.С. Теория реструктуризации экономики. М.: Ленанд, 2016. 256 с.

9. Сухарев О.С. Экономическая динамика: институциональные и структурные факторы. М.: Ленанд, 2015. 240 с.

10. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2015. 464 с.

11. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007. 864 с.

12. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. № 22. P. 3–42.

13. North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History. N. Y.: Cambridge University Press, 1973. 171 p.

14. Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth // The Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. № 5. P. 1002–1037.

15. Scully G.W. The Institutional Framework and Economic Development // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96. № 3. P. 652–662.

16. Solow R.M. Growth Theory: An Exposition. N. Y. and Oxford: Oxford University Press, 1988. 220 p.

17. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. № 3. P. 312–320.

Получено: 04.10.2016.

References

1. Kassel' G. *Infljatsiia i valiutnyi kurs* [Inflation and exchange rate]. Moscow, Elf-Press Publ., 1995. 104 p. (In Russian).
2. Kuzovleva I.A., Sukharev O.S. *Agropromyshlennii kompleks kak generator novogo ekonomicheskogo rosta Rossii: sostoianie i vozmozhnosti* [Agriculture as a generator of new economic growth in Russia: current status and possibilities]. *Mezhdunarodnye nauchnye issledovani-*

ia [International Scientific Research], 2016, no. 3, pp. 8–16. (In Russian).

3. Sukharev O.S. *Institutsional'naiia teoriia u ekonomicheskaiia politika. Kniga 1* [Institutional theory and economic policy. Book 1]. Moscow, Institute of Economics Russian Academy of Science Publ., 2001. 576 p. (In Russian).

4. Sukharev O.S. *Institutsional'naiia teoriia i ekonomicheskaiia politika: K novoy teorii peredatochnogo mekhanizma v makroekonomike. Kniga 1: Institutsional'naiia teoriia. Metodologicheskii eskiz* [Institutional Theory and Economic Policy: Towards a new theory of the transmission mechanism in macroeconomics. Book I: Institutional Theory. Methodological sketch]. Moscow, CJSC "Economy" Publ., 2007. 516 p. (In Russian).

5. Sukharev O.S. *Institutsional'naiia teoriia i ekonomicheskaiia politika: K noviy teorii peredatochnogo mekhanizma v makroekonomike. Kniga 2: Ekonomicheskaiia politika. Problemy teoreticheskogo opisaniia i prakticheskoi realizatsii* [Institutional Theory and Economic Policy: Towards a new theory of the transmission mechanism in macroeconomics. Book II: Economic policy. Problems of the theoretical description and practical realization]. Moscow, JSC "Economy" Publ., 2007. 804 p. (In Russian).

6. Sukharev O.S. Kontsepsiia ekonomicheskoi disfunktsii i evoliutsiia firmy [The concept of economic disfunction and evolution of the company]. *Problemy ekonomiki* [Problems of Economics], 2002, no. 10, pp. 70–81. (In Russian).

7. Sukharev O.S. Rossiiskaia ekonomika: opyt sistemnoi diagnostiki i lecheniia [The Russian economy: a system of diagnosis and treatment experience]. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia], 1999, no. 9, pp. 27–38. (In Russian).

8. Sukharev O.S. *Teoriia restrukturiatsii ekonomiki* [The theory of economic restruc-

turing]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 256 p. (In Russian).

9. Sukharev O.S. *Ekonomicheskaiia dinamika: institutsional'nye i strukturnye faktory* [Economic dynamics: institutional and structural factors]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 240 p. (In Russian).

10. Sukharev O.S. *Ekonomicheskii rost, instituty i tekhnologii* [Economic growth, institutions and technology]. Moscow, Financy i Statistika Publ., 2015. 464 p. (In Russian).

11. Schumpeter J. *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia* [The Theory of Economic Development]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 864 p. (In Russian).

12. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, no. 22, pp. 3–42.

13. North D., Thomas R. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. New York: Cambridge University Press Publ., 1973. 171 p.

14. Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth. *The Journal of Political Economy*. 1986, vol. 94, no. 5, pp. 1002–1037.

15. Scully G.W. The Institutional Framework and Economic Development. *Journal of Political Economy*, 1988, vol. 96, no. 3, pp. 652–662.

16. Solow R.M. *Growth Theory: An Exposition*. New York and Oxford: Oxford University Press Publ., 1988. 220 p.

17. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function. *Review of Economics and Statistics*, 1957, vol. 39, no. 3, pp. 312–320.

The date of the manuscript receipt:
04.10.2016.

THE ECONOMIC GROWTH: FROM NEOCLASSICAL ECONOMICS TO THE INSTITUTIONAL TREATMENT

Dmitry E. Sorokin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Scientific Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: dsorokin@fa.ru

**Financial University under the Government of the Russian Federation;
49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993, Russian Federation**

Oleg S. Sukharev, Head of Sector of IE RAS, Professor

E-mail: o_sukharev@list.ru

**Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;
32, Nakhimovsky avenue, Moscow, 117218, Russian Federation
Perm State University;
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation**

The paper generalizes the common flaws of neoclassical growth models based on the basic model of R. Solow and its development within the framework of the Lucas-Romer type models, with the designation

of the relevant institutional factors. The concept of economic growth is presented in terms of D. North's theory of economic change, different types of investments, regarded as the main factor of modern economic growth, are described. However, analysis of Russian conditions for economic growth leads us to the conclusion that the component of total consumer spending was the most significant during the period of growth in 2000–2014, except for the crisis years of 2009 and 2015–2016, which requires changes in economic policies implemented under the crisis conditions. In Russia in the first phase of growth, it is necessary to stimulate consumption with further enhancement of investment belonging to the types that are analyzed in this article. The analysis of sensitivity of the economic growth rate to the measures of economic policy in Russia was conducted, which allowed us to establish the possibility for both monetization of the economy and reduction of interest rates, those being general conditions affecting the growth of non-primary factors. The task of restraining inflation in Russia is not a determining condition for growth, as the current economic structure will trigger an upward trend in prices at the start of growth. If you follow the "monetary rule", it should reflect the need of the economic structure for money at the given rate of economic growth. Institutional and structural explanation for the growth conditions, in contrast to the neoclassical models, would be a more adequate means to describe the problems of growth in Russia.

Keywords: economic growth, models, institutions, neoclassical economics, institutionalism, combinatorial effect, "creative destruction", neo-Schumpeterian theory.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сорокин Д.Е., Сухарев О.С. Экономический рост: от неоклассики к институциональным трактовкам // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2016. № 4(31). С. 7–21. doi: 10.17072/1994-9960-2016-4-7-21

Please cite this article in English as:

Sorokin D.E., Sukharev O.S. The economic growth: from neoclassical economics to the institutional treatment // Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy. 2016. № 4(31). P. 7–21. doi: 10.17072/1994-9960-2016-4-7-21